

1-й том

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА и МІРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

972

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

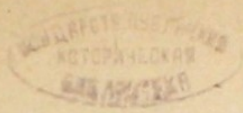
№ 7

1 9 1 8

ПЕТРОГРАДЪ

Р

1-й экз.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА и МІРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Выходитъ при ближайшемъ участіи: проф. М. В. БЕРНАЦКАГО,
В. В. ВОДОВОЗОВА, М. Л. ГОШИЛЛЕРА, прив.-доц. С. О. ЗАГОР-
СКАГО, П. П. МАСЛОВА, проф. бар. Б. Э. НОЛЬДЕ и проф.
Е. В. ТАРЛЕ.

972

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

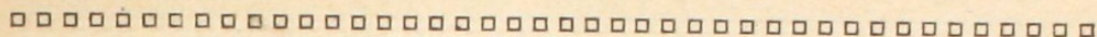
№ 7

1 9 1 8

ПЕТРОГРАДЪ

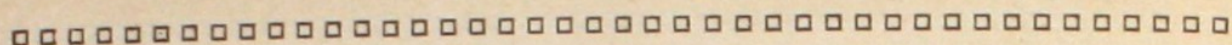

Германская орієнтація? ¹⁾

Послѣ Брестскаго мира предъ Россіей встала дилемма, отъ которой при всемъ желаніи никому отмахнуться не удастся: съ кѣмъ идти? съ Германіей или съ анти-германской коалиціей? Курьезно слышать заявленія, иногда срывающіяся даже съ устъ лицъ, не вполне малограмотныхъ въ политическомъ отношеніи: «не пойдемъ *ни съ кѣмъ*, будемъ сами по себѣ, обратимся къ внутренней работѣ» и т. п. Можно подумать, что стоитъ лишь пожелать, — и намъ тотчасъ же дадутъ «обратиться къ внутренней работѣ»! То, что было названо покойнымъ лордомъ Сольсбери *splendid isolation*, есть рѣдчайшій подарокъ судьбы, выпадающій на долю только совсѣмъ исключительнымъ по своему могуществу политическимъ организмамъ, вроде Англіи или Соединенныхъ Штатовъ. Примѣнять этотъ терминъ къ нынѣшней Россіи значило-бы обнаружить попользованіе къ ироніи дурного тона.

¹⁾ Во всѣхъ углахъ Россіи говорятъ объ „орієнтаціи“. Было бы неправильнымъ отнестись къ этимъ разговорамъ, какъ къ простой досужей болтовнѣ или же какъ къ простому проявленію ненормальныхъ условий, въ которыхъ живетъ сейчасъ русскій народъ. Напротивъ того, толки объ „орієнтаціи“ неизбежное и необходимое послѣдствіе всей обстановки, въ которой оказалась Россія. Русскій Югъ—Украина, Донъ, Крымъ, Кавказъ—силою историческихъ условий, худо или хорошо, выбрали „орієнтацію“, отрекшись отъ войны и отъ всей той идеологіи, въ которой война велась. Русскіе Сѣверъ и Центръ переживаютъ мучительнѣйшій процессъ большевизма, и для нихъ „орієнтація“ тѣсно и неразрывно связана, кромѣ вопросовъ войны, мира и союзвъ, съ проблемой внутренней. Сибирь, опять-таки силою историческихъ условий, тоже сдѣлала выборъ „орієнтаціи“, точнѣе говоря, осталась жить въ рамкахъ международныхъ условий, въ которыхъ существовала вся Россія передъ октябрьскимъ переворотомъ. Въ патріотической скорби за судьбы страны, въ патріотическихъ помыслахъ о возстановленіи ея единства, ея государственности и ея культуры, русскіе люди ищутъ путей, по которымъ надо идти, чтобы вывести свою родину изъ нынѣшняго, совершенно нетерпимаго, ужаснаго положенія. Было бы наивнымъ заблужденіемъ думать, да этого никто и не думаетъ, что судьбы Россіи

Россіи не дадутъ «уединенія», ни блестящаго, ни обиднаго, никакого вообще. Когда на тѣсномъ земномъ шарѣ появляется, совершенно неожиданно, *res nullius* величиною въ двадцать два милліона квадратныхъ километровъ, то ждать, что это обстоятельство оставитъ равнодушными и пассивными сильныя, властныя, хищныя расы, господствующія на землѣ,—значитъ расписываться въ полномъ незнаніи исторіи, психологій, экономики, политики, даже географіи. Но когда подобныя благодушныя надежды высказываются еще въ разгаръ борьбы не на жизнь, а на смерть, кипящей между этими господствующими расами, — то здѣсь одною наивностью, каковы бы ни были ея размѣры, однимъ невѣжествомъ, какъ бы ни была бездонна его пучина, все же ничего не объяснить. Только сознательный расчетъ на безнадежную темноту слушателей можетъ вызвать подобныя заявленія.

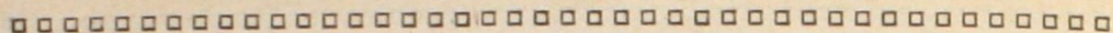
Итакъ, волею-неволею русскому общественному мнѣнію непременно приходится разобратся въ вопросъ: съ кѣмъ идти? Постараемся отвлечься отъ впечатлѣній, падающихъ на душу и ранящихъ ее ежедневно, вспомнимъ слова Бисмарка, что «гнѣвъ не есть политическое состояніе духа», забудемъ даже всѣ соображенія моральнаго порядка, забудемъ, что мы были съ кѣмъ-то въ союзѣ, кого-то оставили, кому-то нанесли жестокий ударъ въ спину и т. д. Будемъ исходить, какъ говаривалъ Бетманъ-Гольвегъ, исключительно «изъ военно-географической карты», изъ положенія сегодняшняго и завтрашняго дня. Рѣчь идетъ не о Дарданеллахъ, не о тепломъ морѣ, не о Персіи; но только и исключительно о вопросѣ: какъ сохранить національную самостоятельность? Какъ уйти отъ окончательной государственной гибели? Какая изъ двухъ борющихся коалицій больше заинтересована въ томъ, чтобы

могутъ быть въ такую минуту устроены внѣ всякихъ соображеній съ внѣшнею обстановкой. Факторы международныя слишкомъ могущественны и слишкомъ напряженны, чтобы можно было мечтать о какой-бы то ни было «аутаркiи» Россіи. А тѣмъ самымъ поставленъ вопросъ объ «оріентаціи».

«*Международная Политика и Мiровое Хозяйство*» не есть партійный органъ, она не стремится навязать своимъ читателямъ и русскому общественному мнѣнію какихъ-либо заранее готовыхъ политическихъ тезисовъ и политическихъ рецептовъ. Ея задача—служить *изученію* вопросовъ международного порядка, возникающихъ передъ Россіею, ибо, при всѣхъ условіяхъ и при всякой «оріентаціи», необходимою предпосылкою истинно государственныхъ рѣшеній является *знаніе*.

Статьею Е. В. Тарле въ этомъ номерѣ Редакція открываетъ на страницахъ журнала обсужденіе вопросовъ, суммарно и условно именуемыхъ вопросами «оріентаціи». За этой статьей послѣдуютъ другія, въ которыхъ мы дадимъ мѣсто всякому обоснованно-аргументу мнѣнію о томъ, какимъ путемъ мы можемъ и должны спасать тѣ высшія цѣнности, которыя объединены въ понятіяхъ единаго русскаго государства и единаго русскаго народа.

Редакція.

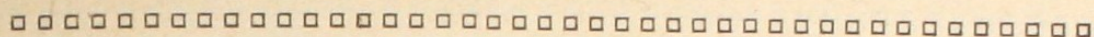

въ годы, непосредственно предшествующіе войнѣ, — и эта позиція, при многихъ слабыхъ сторонахъ, имѣла не мало и очень сильныхъ сторонъ.

Имѣла — въ свое время. Но въ 1918 году подобную позицію отстаивать весьма затруднительно. Вильгельмъ II, Гинденбургъ, Людендорфъ, Гертлингъ и нынѣ ушедшій Кюльманъ осуществили въ полной мѣрѣ самыя необузданныя мечтанія имперіалистическихъ фантазеровъ вродѣ Рорбаха: Россія раздроблена и, фактически, одна ея часть за другою подпадаютъ подъ сюзеренную власть Германіи. Окончательно восторжествовавшая военная партія Германіи опредѣленно заявляетъ, что всякое отступленіе отъ брестъ-литовскаго договора совершенно недопустимо. Лицемерныя кроткія оговорки и сокрушенныя увѣщанія Шейдемановъ и Давидовъ о желательности снисходительнаго отношенія къ поверженному врагу — вотъ все, чѣмъ германская демократія реагируетъ на происходящее. Наконецъ, даже минорная рѣчь Гертлинга отъ 11 іюля подчеркиваетъ неизблемость брестъ-литовскихъ условій.

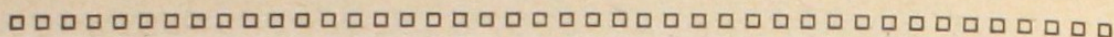
При такомъ положеніи пора точно уяснить себѣ, что брестъ-литовскій договоръ не есть только дурной, тяжелый, невыгодный для Россіи трактатъ: брестъ-литовскій договоръ есть *смерть* Россіи, какъ самостоятельнаго политическаго и экономическаго организма. Толковать сейчасъ о германской оріентаціи возможно лишь при одной изъ двухъ предпосылокъ: либо примирившись со смертію Россіи, либо идя на сложный планъ въ стилѣ не то Макиавелли, не то Конрада Валленрода, — создавая программу укрѣпленія государства при помощи нѣмцевъ съ цѣлью позднѣйшаго освобожденія отъ тѣхъ-же нѣмцевъ. (Думать, что Германія согласится сейчасъ на коренное измѣненіе брестскаго договора нѣтъ ни малѣйшихъ основаній: чѣмъ скуднѣе ея перспективы на Западѣ, тѣмъ болѣе цѣпко она должна держаться за достигнутое на Востокѣ).

О первой предпосылкѣ много распространяться нечего, — она ясна, и поэтому несокрушимъ — логически — выводъ: если Россія, дѣйствительно, умерла, какъ сознающая себя самостоятельной націей, если, въ самомъ дѣлѣ, настоящее общее положеніе вещей есть единственное отнынѣ мыслимое бытіе русскаго народа, тогда, конечно, брестъ-литовскій договоръ является естественною и точнѣйшею дипломатическою эманацией русской дѣйствительности, и протестовать противъ него столь же бесполезно, какъ возмущаться фактомъ появленія трупнаго яда въ мертвомъ тѣлѣ. Тогда можно вполне равнодушно принять германскую оріентацію, турецкую оріентацію, даже финляндскую оріентацію (тамъ, гдѣ Финляндія неподалеку), — вообще, можно подчиниться злѣйшимъ врагамъ Россіи, никакъ не оправдывая своего поступка, но просто регистрируя непреложный фактъ. *La bataille cesse — faute de combattants.*

Но, кромѣ г-на Игоря Кистяковского, «державнаго министра» Украины, никто не рѣшается пока категорически признать, что «Россія умерла»; даже германское Ober-Kommando, даже Рорбахъ, даже графъ Ревентловъ признають преждевременнымъ подобнаго рода утвержденіе. И г-нъ Кистяковскій, конечно, поторопился. Ловкій адвокатъ взялъ въ немъ верхъ надъ политикомъ. Рѣчи адвоката — эфемериды, ему данъ на сегодня тезисъ, и нужно этотъ тезисъ утвердить, — а завтра не только можно, но и должно его забыть, ибо на лицо уже новые тезисы. Сегодня, когда «державный министр» устанавливаетъ границы Украины и Великороссіи, конечно, ему удобнѣе всего доказывать, что Россія умерла, что ея, въ сущности, уже нѣтъ на свѣтѣ. Завтра онъ самъ забудетъ о своемъ афоризмѣ, — и забудетъ съ профессиональною легкостью и, даже, искренностью.

Но если мало кто изъ политиковъ думаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что огромный историческій народъ можетъ внезапно погибнуть на-вѣки, то зато, безспорно, есть много лицъ, которыя лелѣють планъ избавиться при помощи нѣмецкой силы отъ нестерпимыхъ условій нынѣшней государственной жизни, укрѣпить Россію и тогда сдѣлать попытку тѣмъ или инымъ путемъ добиться уничтоженія брестъ-литовскаго договора, подготовившись къ этому «незамѣтно для Германіи». Это и есть то гибельное заблужденіе, съ которымъ нужно неустанно бороться. Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая II Левъ Толстой писалъ, что либералы, мечтающіе «незамѣтно» для правительства проводить антиправительственную политику, похожи на того человѣка, который попытался бы незамѣтно для врага отрѣзать у него ногу. Есть вещи, которыя никакъ нельзя дѣлать «незамѣтно». Еще въ началѣ XIX вѣка Арндтъ писалъ, что русская глыба грозитъ задавить германскіе народы, что день, когда эта глыба будетъ разрушена, будетъ днемъ освобожденія Германіи отъ кошмара. Теперь «глыба» разрушена. Какая абerraція политической мысли нужна, чтобы думать, будто возможно при помощи нѣмцевъ и «незамѣтно» для нихъ возсоздать эту громаду! Какая наивность потребна, чтобы мечтать даже о томъ, будто нѣмцы могутъ, въ самомъ дѣлѣ, содѣйствовать установленію порядка и спокойствія хотя-бы только въ Великороссіи! Екатерина II ничего такъ не боялась, какъ установленія порядка въ Польшѣ, — и Польша погибла окончательно именно тогда, когда ея враги увидѣли, что въ ней порядокъ начинается, все же, возникать. Пишущій эти строки только недавно пріѣхалъ изъ оккупированной германцами Лифляндіи, гдѣ и бесѣдовалъ съ германцами, и нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ читалъ ежедневно по семь-восемь берлинскихъ, кельнскихъ, мюнхенскихъ, франкфуртскихъ газетъ, — именно наиболѣе консервативныхъ, правительственныхъ или стоящихъ правѣ

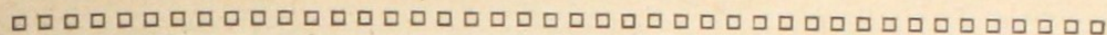

правительственныхъ. И вотъ—твердый, непреложный выводъ: *ничего* въ Германіи сейчасъ такъ не боятся, какъ измѣненія существующаго въ Россіи положенія вещей. Въ данномъ случаѣ фактъ только иллюстрируетъ самоочевидное логическое построеніе—и присоединяется къ стройной цѣпи другихъ аналогичныхъ, засвидѣтельствованныхъ исторіею фактовъ. Принципы Екатерины вовсе не сданы въ архивъ дипломатами и государственными дѣятелями. Пока война длится, порядокъ въ Великороссіи опасенъ нѣмцамъ. Послѣ войны всегда будетъ время упорядочить новую колонію.

Смерть самостоятельной Россіи, называемая брестъ-литовскимъ договоромъ,—такова платформа, съ которой Германію могутъ сдвинуть *только* военныя неудачи въ дальнѣйшемъ ходѣ борьбы съ союзниками. И уже это диктуетъ Россіи ея дальнѣйшее поведеніе. Союзники *должны* насъ спасать, даже если-бы они ненавидѣли и презирали насъ за отказъ отъ договорныхъ обязательствъ, такъ какъ ненависть и презрѣніе играютъ весьма малую роль въ политикѣ, сравнительно съ интересами. Интересы же непосредственной безопасности—Франціи, Англіи, Италіи, интересы торгово-промышленныя—той же Англіи и Америки—повелительно требуютъ избавленія Россіи отъ власти Германіи. Императоръ Александръ II уже въ 1878 году, черезъ семь лѣтъ послѣ разгрома Франціи, имѣлъ основаніе горько сожалѣть о томъ, что допустилъ этотъ разгромъ. Франція, Англія, Соединенные Штаты, допустивши окончательное внѣдреніе германской власти въ Россіи, пожалѣли бы объ этомъ гораздо раньше, чѣмъ черезъ семь лѣтъ, такъ какъ исторія движется теперь быстрѣе. Все это такъ ясно, что едва ли кто-нибудь въ самой Германіи въ данномъ вопросѣ самообольщается. Если Россія жива, союзники, во имя самосохраненія, сдѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, чтобы пробудить ее отъ летаргіи; если *только* для этого нужно затянуть войну, они только для этого затянутъ войну.

Если-бы Россія, какъ самостоятельная и *желающая быть самостоятельной* держава, умерла, то союзники, конечно, опять во имя того-же самосохраненія, боролись бы съ Германіей до послѣдней возможности, чтобы не дать могучему хищнику впредь на долгіе годы кормиться и усиливаться за счетъ погибшей жертвы. Фонъ-Кюльманъ въ своей рѣчи, сказанной въ комиссіи рейхстага 25 іюня 1918 года, сдѣлалъ явно-безнадежную попытку предложить Англіи «миръ за счетъ Россіи»; конечно, ничего изъ этого не вышло и выйти не могло.

Наши физическія силы въ параличѣ, мы не можемъ въ данный моментъ сдѣлать ни единого движенія, чтобы помочь себѣ *дѣломъ*; но пока не парализованъ также нашъ мозгъ, мы не станемъ вредить себѣ *словомъ*: т. е. не станемъ увѣрять міръ, что мы можемъ, къ обоюдному

удовлетворенію, сойтись съ Германіей, пока Германія стоитъ на почвѣ брестъ-литовскаго договора. Въ началѣ іюля въ Берлинѣ выступилъ съ нашумѣвшею публичною лекціей нѣкій Фолькъ, юрьевскій обыватель, извѣстный тѣмъ, что когда нѣмцы заняли Юрьевъ, сорвалъ и бросилъ на землю православный крестъ, находившійся на фронтонѣ университетскаго зданія; этотъ презрѣнный актъ безнаказаннаго издѣвательства возбудилъ сильное недовольство даже въ болѣе или менѣе пристойныхъ нѣмецкихъ кругахъ. Нынѣ г-нъ Фолькъ въ своей лекціи авторитетно убѣждалъ берлинскую публику, что Россія все вскорѣ проститъ, «даже брестъ-литовскій договоръ», ибо у нея душа—незлобивая, и что, поэтому, неправы тѣ германскіе политики, которые находятъ, будто съ Россією въ Брестъ-Литовскѣ было поступлено слишкомъ ужъ жестоко и будто это можетъ оказаться современемъ опаснымъ.

Лица, ищущія спасенія въ германской оріентаціи, слишкомъ склонны забывать, какой выводъ сдѣлають гг. Фольки изъ ихъ словъ и поступковъ.

Нескоро еще окончится война, и много неожиданностей она принесетъ. Германія продѣлываетъ карьеру Наполеона какъ бы въ конспективномъ видѣ: вмѣсто пятнадцати лѣтъ—въ пять лѣтъ или шесть лѣтъ. Мы видѣли мазурское Маренго въ 1914 году, Аустерлицъ на Дунайцѣ въ 1915 году, Бородино при Верденѣ въ 1916 году, можетъ быть, дождемся Лейпцига и Ватерлоо въ ближайшіе годы. Никому не дано знать будущее. Но, все-таки, для человѣка, сколько-нибудь привыкшаго къ политическому мышленію и историческому анализу, *наименѣе* вѣроятною гипотезою является и въ 1918 году, какъ въ 1914 году, предположеніе объ окончательной побѣдѣ Германской имперіи. Германская имперія, при всѣхъ своихъ колоссальныхъ средствахъ и великихъ частныхъ достиженіяхъ, изнемогаетъ предъ невозможностью поставленной ей основной задачи, подобно тому, какъ сто лѣтъ тому назадъ, при всѣхъ своихъ несравненно болѣе великихъ частныхъ достиженіяхъ, изнемогъ Наполеонъ по той же причинѣ, вслѣдствіе невозможности рѣшить окончательно коренную проблему гегемоніи надъ Европою.

Лицамъ, ищущимъ «германской оріентаціи», кажется, что они опираются на твердый реальный фундаментъ. Германскій солдатъ находится здѣсь, въ Кіевѣ, во Псковѣ, въ фортѣ Ино; а союзники—гдѣ-то далеко, они—нѣчто мало реальное, отъ нихъ пока исходятъ больше ноты и слова, чѣмъ дѣйствія. Такъ, въ Испаніи въ 1812 году, приверженцы Наполеона, *los afrancesados*, говорили: «французы—тутъ, въ Мадридѣ, а Россія, Англія—это не реально, это выдумка тѣхъ, которые ничего не могутъ противопоставить побѣдоносному императору».

Послѣ взятія Москвы, въ Мадридѣ вышла брошюра, въ которой указывалось на смѣшное безумство тѣхъ, которые свою собственную столицу не могутъ защитить, а даютъ обѣщаніе освободить отъ завоевателя весь миръ. Это писалось за нѣсколько мѣсяцевъ до гибели великой наполеоновской арміи...

Когда наблюдаешь ростъ нынѣшней «германской оріентаціи» въ Россіи, хочется сказать дѣятелямъ, ее представляющимъ: не торопитесь, мы уже столько перестрадали и столько потеряли, что спѣшить намъ уже некуда; не принимайте все еще грозного, но уже ослабѣвающаго, истощеннаго, истекающаго кровью бойца за надежнаго покровителя и выгоднаго союзника; не принимайте смертельнаго врага политической самостоятельности Россіи за ея возможнаго друга. Помните, наконецъ, что рѣшающія времена войны еще впереди, что еще конца не видно даже въ туманѣ.

Наихудшій политическій жребій—повторить ошибку того средне-вѣковаго клирика, который, продавши свою душу, убѣдился, что Вельзевулъ далъ ему битое стекло, вмѣсто условленныхъ алмазовъ. Въ 1914 году у Германіи было еще много настоящихъ алмазовъ. Если-бы сейчасъ ихъ у нея оставалось достаточно, канцлеръ Гертлингъ не обнаружилъ бы ни за что такого смиренномудрія и миролюбія, какъ въ своей рѣчи 11 іюля. Послѣ краха Австріи онъ и не могъ говорить иначе.

Первымъ великимъ, головокружительнымъ счастьемъ, выпавшимъ на долю Вильгельма II и всей юнкерской партіи и аннексіонистскихъ теченій Германіи, былъ Брестъ-литовскій миръ. Вторымъ ихъ успѣхомъ, могущественно консолидирующимъ все, ими достигнутое, было-бы принятіе теперь германской оріентаціи тѣми русскими кругами, которые до сихъ поръ олицетворяли собою будущее возрожденіе Россіи: отъ Брестъ-литовскаго мира Германія добровольно не откажется, не смотря ни на какія русскія «оріентаціи».

II, насколько возможно, эта новая оріентація, конечно, затруднила бы союзникамъ объективно имъ необходимое дѣло избавленія нашего отечества отъ рукъ германскихъ завоевателей. При такихъ условіяхъ, все, что могутъ намъ взамѣнъ дать сейчасъ германцы,—только битое стекло, издали кажущееся алмазомъ.

Проф. Е. В. Тарле.